

ОБ ОЛЕХНОВИЧЕ Е. С. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ОЛЕХНОВИЧ Евгений Семенович, родился в 1880-х. Получил высшее образование, преподавал математику в училищах и гимназиях. В 1918 — воевал в Красной армии, с 1919 — после демобилизации преподавал математику в Артиллерийской школе, с 1925 — преподаватель в средних и высших школах в Одессе; директор Педагогического техникума в Минске, затем декан физико-математического отделения Гомельского педагогического института, с 1930 — заведующий кафедрой математики там. Женат на Татьяне Олехнович, в семье — двое детей. 12 ноября 1933 — арестован, 6 января 1934 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Дальлаг.

8 октября 1934 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена Татьяна Олехнович.

«8/X-34 г<ода>».

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Муж мой, Олехнович Евгений Семенович, с 1913 по 12 ноября 1933 года, это двадцать с лишним лет, был преподавателем математики в средних учебных заведениях до революции, а после нее — преподавателем математики в Артиллерийской школе (после увольнения из рядов Красной Армии за свою работу в 1919-1925 г<одах> получил благодарность, отмеченную в приказе). Затем он все время читал математику в средних и высших школах и одновременно был директором Педагогическ<ого> Техникума и позже до самого момента ареста являлся деканом Физ<ико>-Матем<атического> отделения Гомельского Педагогич<еско-го> Института и заведовал в течение последних трех лет кафедрой математики в том же Институте. 12 ноября 1933 года (это скоро год) он был арестован следователем Гом<ельского> ГПУ и ему предъявлено обвинение в участии контрреволюционной организации в Белоруссии. Через 55 дней дело было рассмотрено, и муж был осужден на 10 лет в концлагерь, куда и был сослан на Дальний Восток.

25-ого марта 1934 г<ода> я приехала во время весенних каникул (работаю в школах и техникумах с 1915 года учительницей) в Москву и первым делом отправилась к Вам на прием. Вас мне не удалось увидеть, но я беседовала с тов<арищем> Винавером, и он мне посоветовал начать дело, выехав окончательно из пределов Белоруссии. Это я смогла сделать только в июне 1934 г<ода> по окончании учебного года (я все время работала и имею двух детей школьного возраста). 25 июня 1934 года я была у Вас снова на приеме, Вы тогда никого больше не принимали. Вас самое постигло тяжелое горе! Я видела опять тов<арища> Винавера, и он мне сказал, что можно подать заявление Верховному Прокурору. Я собиралась тогда в рискованное двухнедельное путешествие на свидание в лагерь к мужу на Дальний Восток и потому, кроме своего заявления, я приложила в подлиннике и в копии (на машинке) письмо, полученное мною от мужа из Допра накануне его высылки. Это письмо в копии я Вам прилагаю сейчас. Из него видно, как следователь Эдель вел дело, как его допрашивал и каким способом заставил его подписаться под протоколом следствия. Результатом этого и клеветы на него Акулика (его бывш<его> сослуживца, члена партии с 1917 года) и явилось осуждение моего мужа на 10 лет. Мое заявление и письмо, а также два документа (метрика мужа и свидет<ельство> о болезни его отца), я передала лично пом<ощнику> Прокурора по специальным делам тов<арищу> Когану 2-го июля 1934 года, кот<орый> очень внимательно меня выслушал, просмотрел при мне

документы и через 2 дня, т<о> е<сть> 5 июля 1934 года отправил их в Минск, т<ак> к<ак> муж и другие лица были осуждены в Белоруссии.

Я, тем временем, совершила поездку на Дальний Восток и только через восемь месяцев после ареста я могла в лагерях поговорить с мужем совершенно свободно и откровенно, т<ак> к<ак> пробыла там десять дней. Он мне рассказал еще более подробно сущность всего допроса, и я окончательно убедилась в полной его невинности и была рада, что раньше свидания с ним подала заявление о пересмотре дела Верховному Прокурору.

Кроме всего этого, я узнала, что и Акулик, оклеветавший мужа (бывш<ий> его сослуживец), находится в этих же лагерях; мне удалось его увидеть, и он сказал мне, что подал Верховному Прокурору, а также тов<арищу> Сталину и Председат<елю> ЦИК БССР тов<арищу> Червякову заявления о пересмотре дела моего мужа и других, оклеветанных им лиц, и также объяснения, почему он должен был это сделать, когда его из Гомеля повезли на допрос в Минск.

Он согласился дать мне в письменной форме заявление на руки, что муж мой к этому делу не причастен и что он его оклеветал.

Кроме того, муж мой Олехнович Ев<гений> Сем<енович>, написал собственноручно заявление, в котор<ом> он указывал причину, заставившую его подписаться под протоколом допроса, т<ак> к<ак> Эдель угрожал ему моим арестом, снятием меня с работы и выселением меня с детьми зимой из квартиры (последнее сейчас же и было проделано со мной). Там же он указывал, что по прибытии в лагери он узнал, в его деле, присланным вместе с ним в лагери, он называется сыном помещика и офицером царской армии. Это является наглой ложью, т<ак> к<ак> при обыске у мужа были взяты документы, доказывавшие как раз обратное. Эдель, производивший обыск у нас на квартире, как раз взял эти документы и не приложил их к делу (я их видела у него на столе в кабинете в январе, когда муж уже был выслан, и Эдель возвращал мне мой паспорт и метрики детей). Эти документы очень важные, и я боюсь, как бы их в Гомеле "не затеряли", если Москва потребует пересмотра дел: все личное дело мужа, на основании кот<орого> составлены его послужные списки, а также воинский билет моего мужа до революции, где указано, что он освобождается вообще от воинской службы, как преподаватель Учительского Института по ст<атье> 80.

Также Эдель взял послужной список его отца Семена Олехновича, в кот<ором> указано, что он является заседателем Окружного суда городов Иркутска и Якутска, живет на пенсию, полученную им по инвалидности (он лишился ног и был 17 лет парализован после службы в Якутске); и никакого имущества недвижимого или родового или благоприобретенного за ним и женой его не имеется.

Заявление моего мужа и Акулика я передала 5-го августа 1934 г<ода> опять лично тому же тов<арищу> Когану при моем обратном проезде через Москву с Дальнего Востока. Он просмотрел и эти документы и обещал послать их дополнительно в Минск, куда месяц назад направил мое личное заявление и сказал, что на основании их будет требовать пересмотра дела.

С этих пор прошло еще два месяца, скоро год, как муж мой носит позорный ярлык контрревол<юционера>, в то время, как он не виноват, а я до сих пор не имею никаких сведений из Москвы и не знаю, ответил ли что-либо Минск в Москву и кому именно посланы из Москвы бумаги в Минск.

Очень прошу Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, посодействовать через Ваш Комитет в ускорении разбора моего дела, а также, что предприняла в этом деле Верховная Прокуратура.

В данный момент я проживаю в Одессе и работаю в школе. Я переехала сюда, т<ак> к<ак> здесь постоянно живет моя старуха-мать, находившаяся все время на моем иждивении и две мои сестры. В Белоруссию я попала случайно, т<ак> к<ак> мужа из Одессы перевели туда на службу в 1925 году.

Глубокоуважающая Вас Т. Олехнович.

Одесса.

Ул<ица> Чижикова, д<ом> 28, кв. 16.

2 октября 1934 г<ода>»¹.

К заявлению Татьяны Олехнович было приложено письмо ее мужа, Евгения Семеновича Олехновича от 10 января 1934 года.

Дорогая Таничка!

10 января.

Я тебе должен написать полную картину истинного положения вещей, начиная с момента ареста. Через день (первый день 12 выходной) после моего ареста я был вызван на допрос следователем ОГПУ т<оварищем> Эделем, который поставил передо мной следующий вопрос: по какому делу я арестован и привлекаюсь к ответственности? На это я заявил, что не знаю. Затем с меня сняли подробную анкету, где родился, где жил, работал, сколько братьев, сестер и т<ак> д<алее>, при этом мне добавили, что я не сын служащего, а сын помещика; на все эти анкетные вопросы я давал вполне исчерпывающ<ие> и правовые ответы. Потом т<оварищ> Эдель мне заявил, что если я не знаю, по какому делу я привлекаюсь, то он мне объявит, после чего и заявил: что я привлекаюсь по ст<атьям> 64, 68, 72, 76 — это значит в принадлежности к контрреволюц<ионной> организации, кот<орая> по заданиям польской дефензивы и контрревол<юционного> центра белорусской организации в Минске ставила себе целью отделение БССР от руководства Москвы, образование самостоятельной республики под протекторатом Польши.

Все это меня настолько удивило и поразило, что я даже не знал, как реагировать на подобное заявление, и тут же заявил, что никакой организации я не знал и об этом слышу тут только впервые. На это мне было заявлено, что другие члены этой организации сознались и, таким образом, честно разоружились перед органами ОГПУ и Советской властью. На это я ответил, что я уже 16 лет честно и активно работаю и доказал на деле, что я предан Советской власти и активный работник по социалистическому строительству. На это т<оварищ> Эдель мне заявил, что за эту работу платили деньги, а поэтому это мое заявление к делу не относится. Он дальше заявил, что ему не интересно, что со мной было до 1933 года, а ему важно знать, что я делал в начале 1933-34 учебного года, когда по показаниям Акулика создалась вышеуказанная организация. Дальше он мне указал, что Акулик работал по поручению какого-то Минского центра на деньги Польской дефензивы и уже точно установлено, что Акулик и Маклюк являются польскими шпионами, котор<ые> очень искусно вели свою работу. Я заявил, что Маклюка я знаю очень мало, а Акулика с 1925 г<ода>, но об его участии в каких-либо организациях я ничего не знал и знакомство с ним у меня только семейное, и он никогда не посвящал меня в свои тайны. Тогда он мне показал показания Акулика, где этот пишет, что, зная меня давно и зная мое сочувствие нац<ионалистам>-дем<ократ>ам, он предложил мне в августе 1933 г<ода>, это значит, в начале этого учебного года вступить в

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1131. С. 235-238. Автограф.

к<онтр>рев<олюционную> организацию. Последний факт я категорически отрицал, доказывая, что подобных предложений мне Акулик никогда не делал и требовал очной ставки с Акуликом, но т<оварищ> Эдель мне заявил, что это не метод работы ОГПУ. Когда я и далее не соглашался с этим, ко мне пригласили мою бывшую ученицу т<оварища> Шандалесову (ты ее знаешь, была потом одно время учительницей в группе нашей дочери Марины), а теперь машинистка ОГПУ, которая мне с большой искренностью глаз на глаз говорила, что она знает хорошо меня и мою семью и очень советует мне согласиться с тем, что Акулик предложил мне вступить в организацию, и я это предложение принял, ибо в противном случае мне и моей семье будет очень худо, т<ак> к<ак> если органы ОГПУ решили арестовать меня, то для этого достаточно есть оснований. Я ей также заявил, что не могу же я врать, — это значит говорить то, чего не было; на этом мы и расстались, и я снова перешел для дальнейшего допроса к т<оварищу> Эделю, котор<ый> мне заявил, что органам ОГПУ совершенно не важно, сознаюсь я или нет, т<ак> к<ак> самый арест научного работника уже говорит об этом, что я виновен, и признание только необходимо для меня, как факт, который разоружает меня и, тем самым, дает мне возможность честно работать дальше. Я сказал, что не могу же я сочинять того, чего не было. "Вот видите, — говорит Эдель, — Александр Андреевич (Акулик) разоружился, как честный большевик, а вы не желаете разговаривать с органами ОГПУ, и мы найдем достаточно средств, чтобы заставить вас сознаться во всем, и если будете упорствовать дальше, то снимем с работы вашу жену, выселим с казенной квартиры на улицу и, вообще, мое упорство, несмотря на то, что мои друзья сознались, характеризует меня, как врага Советской власти".

Я пришел в полное отчаяние, и в конце концов не знал, что же говорить и что от меня требуется, и решил, что я являюсь объектом (в виду моего знакомства с Акуликом, а он является по его показаниям центральной фигурой) той ситуации, которая по национальному вопросу в национальных республиках является очередным и, что неизбежно, я должен каким-нибудь образом связать себя с ним, и вот я начал строить эту связь на основе своей предыдущей службы с Акуликом в БССР и свое показание написал в таком виде: "Работая с нац<инал>-дем<ократ>ами и под руководством нац<инал>-дем<ократ>ов я этим самым смыкался с ними идеологично и ставил себя в их ряды, и что поддерживая связь с Акуликом, который является активным нац<инал>-дем<ократ>ом, я этим самым не порвал окончательно с нац<инал>-дем<ократ>овщиной". С такими моими показаниями т<оварищ> Эдель не согласился, говоря, что это только обывательские размышления, а не большевистское признание. В этом показании я подробно написал о своих отношениях с Акуликом, начиная с 1925 г<ода>, но все это оказалось не то, что он требовал. Таким образом, я уже абсолютно не знал, что я должен делать, и он мне заявил, что мои показания необходимо перевести на язык ОГПУ; я предложил ему сделать это самому, и он написал сам показания, в котором преферанс у Акулика рассматривал, как собрание контррев<олюционной> организации, шахматную игру с ним, как конспиративные встречи и т<ак> д<алее>. На заре, после ночного допроса я подписал этот документ и сделался контрревол<юционером>. Несмотря на это, я все же добивался очной ставки с Акуликом и получил ее только у т<оварища> Лившица (пропуск в оригинале) по вербовке членов в организацию. На этой ставке Акулик заявил мне в глаза, что я занимался этой вербовкой, и тут я понял, что он, спасая себя, потянул за собой и знакомых, совершенно не связанных с ним по этим делам. Так создалась сказка с трагедией, результатом которой осужден по трем статьям 64, 72, 76 на 10 лет. Когда мы собрались в камеру в Исправ<ительном> доме, стало совсем ясно, что все это

искусственно создано, и осуждены даже те, которые вообще не признавали себя виновными, группа людей, по крайней мере для меня, в большинстве совершенно не знакомая. До сих пор я не могу примириться с тем, что этот факт, и факт, который может иметь место при Советской власти. Честно работая 16 лет, я также честно буду работать дальше. Сейчас, когда сижу за решеткой, единственная моя мысль о тебе, Таничка, и детях. Но, Таничка, хорошо понимаешь, что, если понадобится официально отказаться от формально контрреволюционер^а мужа, то сделай это совершенно спокойно, ибо это меня не обидит, т^{ак} к^{ак} с вами всегда остается другой и действительно честный и постоянно любящий вас отец.

Я надеюсь, что и уже первые годы заключения покажут, какая была допущена ошибка, когда решался этот вопрос.

Думаю, что <в> окончательном> приговоре сыграло роль и социальное мое положение, а также и то, что брат находится за границей. К нам в камеру заходил начальник Исправительного дома, кот^{орый} говорил, что обжаловать возможно, только когда прибудем на место (прокурору ОГПУ, СССР, ВЦИК). Теперь несколько слов о домашних делах: часть моих книг может оказаться у Граховского (кажется, задачник по дифференциальному исчислению Дубнова) и у товарища> Альтшулера (история математики), а также есть книги и Альтшулера.

Женя.

(На этом подлинное письмо обрывается, вероятно, не успел его окончить. Письмо писалось и карандашом, и чернилами, как видно, не в один присест).

Т. Олехнович².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1131. С. 215-219. Автограф.